

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ

УДК 821.161.1-31(Тургенев И. С.). DOI 10.51762/1FK-2023-28-01-07. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ВЕНГРИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ

Молнар А.

Дебреценский университет (Дебрецен, Венгрия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7896-1480>

Аннотация. В статье предлагается обзор современной венгерской рецепции романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Выявляются общие моменты и различия в интерпретации текста учеными. Основу для соотнесения исследований составляют те же главные вопросы, которые всегда вызывали бурные споры в тургеневедении, а именно: значение смерти Базарова, загадка образа холодной, но женственной Одинцовой и ее роль в трагическом финале героя. Трактовки этих фигур в рассматриваемых статьях венгерских исследователей исходят из негативной оценки героини и трагической судьбы сильного нового человека. Такое положение освещается с разных позиций и с помощью разных методов, в частности посредством изучения философских проблем и идейного пласта романа, а также мотивного анализа нигилизма, раскрытия ряда метафор (анатомия, кусаться), которые одинаковым образом относятся к концептуальным сферам медицины и любви. В результате эти известные темы получают оригинальные толкования. Автор статьи также проводит свой разбор данных аспектов, изучая развертывание отмеченных метафор как в сюжете, так и в семантике текста. Делается вывод о том, что и в современной зарубежной русистике роман «Отцы и дети» остается в фокусе внимания, а исследовательские акценты смещаются в область поэтологии.

Ключевые слова: Тургенев; мотивный анализ; новое слово; романы; рецепция

Для цитирования: Молнар, А. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в Венгрии: актуальные вопросы современной рецепции / А. Молнар. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 77–84. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-07.

I.S. TURGENEV'S NOVEL "FATHERS AND SONS" IN HUNGARY: TOPICAL ISSUES OF MODERN PERCEPTION

Angelika Molnar

University of Debrecen (Debrecen, Hungary)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7896-1480>

Summary. The article offers an overview of the modern Hungarian reception of I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons". Common points and differences in the interpretation of the text by contemporary scholars are revealed. The correlation of the studies is based on the same main questions that have always caused heated debates in Turgenev studies, namely, the significance of Bazarov's death, the mystery of the character of the cold

but feminine Odintsova, and her role in the tragic end of the protagonist. Interpretations of these figures in the articles under consideration by Hungarian researchers proceed from a negative assessment of the character and the tragic fate of the strong new person. This situation is covered from different positions and with the help of different methods, in particular, the study of philosophical problems and the ideological layer of the novel, as well as the motif-centered analysis of nihilism, the discovery of a number of metaphors (*anatomiya, kusat'sya*), which equally relate to the conceptual spheres of medicine and love. As a result, these well-known topics receive original interpretations. The author of the article also conducts original analysis of these aspects, studying the unfolding of the above mentioned metaphors both in the plot and in the semantics of the text. It is concluded that in modern foreign Russian studies, the novel "Fathers and Sons" remains in the focus of attention, and the scholarly emphasis is shifting to the field of poetology.

Keywords: Turgenev; motif analysis; new word; novels; reception

For citation: Molnar, A. (2023). Turgenev's Novel "Fathers and Sons" in Hungary: Topical Issues of Modern Perception. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 77–84. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-07.

Творческое наследие И. С. Тургенева в целом и роман «Отцы и дети» в частности давно находится в центре внимания венгерских русистов благодаря своей непреходящей актуальности. Однако немало в деле популяризации Тургенева в Венгрии сделала Жужи Зельдхейи [Zöldhelyi 1978], автор многочисленных трудов о писателе. Исследовательница, с одной стороны, выражала традиционный взгляд на тургеневское наследие, в чем-то созвучный тому, как его понимали в России в середине XX века, а с другой – привнесла немало нового. В частности, она одной из первых в Венгрии использовала сопоставительный метод анализа при изучении Тургенева.

Другой компаративист, Иштван Хетеш, подробно пишет о полемике, развернувшейся вокруг романа «Отцы и дети» [Hetesi 1990: 264–271], а в монографии, посвященной творчеству писателя, рассматривает, что изменилось во внутреннем мире главного героя после того, как он понял, что не знает достаточно хорошо ни самого себя, ни любимую женщину. Венгерский тургеновед справедливо обращает внимание на то, что фамилия Базаров означает 'шумную' ('базарную') вещь, и это значение реализуется в романе в связи с бунтарством героя плебейского происхождения. Однако стоит уточнить, что С. А. Кормилов указывает на наличие дворянских корней Базарова [Кормилов 2018]. Следовательно, сочетание семейного романа с социально-философскими проблемами приводит к изучению не только поколенческого, но и идейного конфликта, к отрицанию героем всех ценностей. Ниже мы остановимся и на проблеме слова в связи с глаголом базарить, дополнив разбор исследователя.

Хетеш остается в русле устоявшихся позиций об идейно-содержательном плане романа, когда подчеркивает, что в романе любовный конфликт берет верх над общественным, запуская философскую рефлексию героя и иницируя его необычные жизненные поступки, в которых проявляется его настоящий, нерациональный характер. То же можно сказать и в отношении Одинцовой, чей аристократизм и потребность в комфорте мешают ее желанию жить. Исследователь развивает разделяемую многими тургеноведами точку зрения, заключающуюся в том, что трагическая смерть Базарова вызвана его бунтом против существующего миропорядка, однако Хетеш обращается еще и к описанию расцветающей природы на могиле героя, которое (в отличие от лотмановской концепции романа [Лотман 1986]) свидетельствует о наступлении примирения и вечной гармонии [Hetesi 1999: 45–54].

Процесс опровержения Базаровым своих собственных идеологических позиций излагает Валерий Лепяхин, доказывая, что отрицание героем чувств, поэзии и красоты оборачивается, как правило, его поражением. В таком ключе, по мысли исследователя, следует толковать такие поступки Базарова, как, например, поцелуй Фенечки, который происходит в момент его разочарования. С этим объяснением, конечно, можно поспорить, но оно вполне встраивается в религиозно-философский подход исследователя. Ученый подчеркивает эпатажный характер многих высказываний Базарова, однако видит в этом, ссылаясь на Достоевского, великий бунт героя и одновременно глубинную христианскую веру в воскресение. В таком новом освещении факт

смерти Базарова вовсе не свидетельствует об идее бессмысленности существования, к которой склонялся герой. Его родители своими молитвами добиваются прощения для героя, а природа в самом деле становится храмом [Лераһин 2006]. Таким образом, упомянутые исследователи с разных методологических позиций, но сходно утверждают перспективы вечной жизни в «Отцах и детях».

Поэтике романов Тургенева посвящены работы и книги Каталин Кроо. Исследовательница под новым углом зрения включается в научный спор о жанровости произведений писателя, разгоревшийся из-за их так называемого малого формата [Кроо 2004]. В «Отцах и детях», как полагает Кроо, сюжетные линии Аркадия и Базарова тесно переплетаются, однако понятны и самодостаточны по отдельности. Такая двойственность характерна для всех текстуальных уровней романа Тургенева, и можно провести жанровую типологию с ее учетом: получается роман-повесть. Она отражается и на тематическом уровне: основополагающая мысль об отрицании взаимосвязана с идеей завершенности, и, соответственно, как сюжет, так и текст романа строится на парном мотиве всё и ничего. Кроо, таким образом, инновативно, с точки зрения семантизации текста демонстрирует, как переосмысленная в трактовке нигилизма идея не всё равно передает самое характерное для Базарова свойство: направленность на достижение всего, что наиболее пластично выражено в любовной истории, так как любовь для героя означает максимальную самоотдачу, т. е. абсолютное отрицание, и ведет к полноте.

Кроме такого нового вывода, исследовательница раскрывает и семантику мотива единицы в связи с различными жизненными позициями героев. Значение фамилии Одинцова активизирует, по мысли Кроо, понятие одно, и это воплощается в полном одиночестве героини, за которым скрывается ничто. В отличие от последней, Базаров нацелен на достижение осмысленной полноты, но при этом он способен провести линию между собой – нигилистом и другими – дворянами, например Аркадием Кирсановым. Здесь Кроо обнаруживает реализацию как тургеневской метафоры «одного дерева и целого леса», так и «набитого чемодана». Смысл устранения пу-

стоты разворачивается в тексте в связи с плодородием, ибо пустая, неполная жизнь – бесплодна.

Небесспорно, что эта тема кажется ключевой в романе Тургенева, однако Кроо рассматривает ее с разных ракурсов, в том числе в свете переосмысления претекстов «Отцов и детей», на основании диспозиций скуки и желания героев романов Пушкина, Лермонтова и Достоевского [Кроо 2017]. Кроо утверждает, что одинаковость является сигналом шаблонной жизни, в ней коренится безразличие (см. болтовня), но посредством тоски и томления она ведет также к новой, активной форме бытия (что и есть борьба за адекватное слово). Приблизиться к художественному смыслу можно и путем вербально-логического мышления, но опыт романа Тургенева показывает, что перевес на стороне образной демонстрации (т. е. семиотической функции развертывания знаков как акта действия). Кроо именно поэтому анализирует сюжет и текст романа в семантико-поэтическом аспекте, в силу которого она по-новому освещает, во-первых, проблему воспоминания о протекшей жизни в тесной связи с вопросом изображения природы, во-вторых, конвенциональное толкование как образа нигилиста, так и лишнего человека, а в-третьих, представление смерти Базарова. Последнее понимается как поэтическая интенция смысла жизни героя в результате семиотического различения в мотивах слез, звезд, венка, поцелуя (об этом подходе см. также другой обзор [Молнар 2020]).

Кроо изучает тему бесплодной жизни и смерти не только в мотивном, но и в мифопоэтическом плане [Кроо 1994] и обнаруживает регенерацию мифов о Нарциссе и Эхо и об Актине и Диане в романе «Отцы и дети». Легко можно убедиться в том, что Одинцова сознательно ставит Базарова в позицию зеркала, чтобы добиться от него слова самоистолкования. Разбирая ее «аналитически», герой начинает лучше понимать и самого себя. Исследовательница прослеживает развертывание метафоры кусаться в тесном соотношении со вскрытием лягушек и приходит к выводу, что она относится сначала к анатомизации, затем превращается в обозначение акта творения. К примеру, «не кусающийся» Николай Петрович заслуживает ответную любовь Фенечки,

которая раскрывается и Базарову. Последний тоже «не сглазит» ее, поэтому и прорезываются зубы у ее младенца.

Однако Одинцова не разрешает себя ни «кусать», ни «резать», даже ветру на нее «дуть», что равнозначно «вторжению прохлады в ее мир», а в толковании Кроо – запрету на оплодотворение. В этом можно наблюдать параллель с обнажением мифической Дианы. В романе Тургенева героиня не дает Базарову творить ее как человека, создавать новую жизнь, так как ее не удовлетворяет его образ жизни. В силу такой безответной любви он собственной рукой и обрезается, подобно Актеону, которого растерзают его же собаки. Вместе с тем акт действия Базарова – нанесение раны ножом – является совершением акта творения мира, ибо преследует цель лечения, т. е. оживления. Следовательно, Кроо предлагает новую оригинальную интерпретацию таких многозначных поэтических тем романа, как любовные отношения или вскрытие тела.

В фокусе внимания Арпада Ковача оказывается процесс извлечения новых смыслов на языковом уровне текста романа¹. Он исходит из основных положений выдающихся советско-российский ученых относительно творчества Тургенева (например, Л. В. Пумпянского об оркестровке [Пумпянский 2000]). У писателя, как полагает исследователь, получается антинигилистический роман в смысле отрицания отрицания: Базаров на словах отрицает всё, но становится врачом, лечит людей и, спасая жизнь, погибает. Следовательно, отрицая, герой утверждает жизнь. Тургенев в этой фигуре нигилиста, как и в случае лишнего человека, создал исключительное, индивидуальное лицо, которое исследователь раскрывает под необычным углом зрения. Таким образом, литературное произведение снова опередило жизнь в осмыслении явлений, ибо только после появления романа «Отцы и дети» заметили существование подобных людей и начали называть их нигилистами. Ковач подчеркивает, что Базаров – не тип и не типичный нигилист, он только выводит людей

на чистую воду, поскольку любое надуманное отношение к жизни воспринимает как ее отрицание, оторванность от нее, т. е. как идеологию, принцип (см. англосанию Павла Петровича и мелкий либерализм Николая Петровича, фальшивый нигилизм Ситникова и показную эмансипацию Кукшиной).

Подобной переоценке подвергается в поэтико-антропологическом толковании Ковача и концепт любви. Дело в том, что скрытный перед людьми и отрицающий любовь Базаров страстно влюбляется в женственную Одинцову. Однако она боится всего: того, что Базаров принимает ее за провинциалку, того, что он вызывает беспокойство и сплетни, в то время как настоящая любовь – не покой и не постыдное дело. Ковач метко подметил, что Тургенев посредством вещей выражает то, что героиня не умеет сказать: ее чистое, холодное белье, кружева, постель метафоризируют гроб, который будто съедает Одинцову, сращенную с предметами и неспособную отдаться другому человеку. Поцелуй Одинцовой в лоб Базарова, который сильно хочет жить, – это поцелуй смерти: она задувает свечу жизни героя, так как героиня – мертвая в жизни. В этом Ковач разделяет позицию тех тургеноведов, которые видят в героине персонаж, несущий смерть.

Согласно ученому, герой трагичен потому, что никому не может отдаться, несмотря на то что его фигура заинтересовывает людей. Он погибает без того, чтобы найти простор для применения своих сил. Как и другие венгерские исследователи, Ковач отмечает, что в презентации смерти Базарова появляется бесконечная жизнь, ибо из его могилы вырастают молодые ели. Ковач, однако, раскрывает и этимологическое, и мифопоэтическое значения слова могила: ночью солнце здесь покоится, а днем отсюда встает, а также, согласно соответствующему мифу, в могиле лежит могучий богатырь Могилев. В тексте романа Тургенева говорится не о мертвом герое, а о том, что родители молятся за лежащего в могиле сына, который выступает в роли медиатора, посредника между ними, живущими,

¹ Kovács Árpád. Лекции о русской литературе XIX в

и миром загробным: «две молодые елки посажены по обоим ее концам: Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней, из недалекой деревушки, часто приходят два уже дряхлые старичка – муж с женою» [Тургенев 1981: 188]. Таким образом, в оригинальном толковании Ковача герой даже в смерти представляет жизненную мощь, постоянное воскресение жизни, в то время как нигилизм переносится на «равнодушную природу».

Согласимся с этими утверждениями, так как метафоры и сравнения из мира природы представляют собой не только лиризованность тургеневского повествования, но и особый поэтический дискурс, в котором звуковые повторы порождают новый смысл.

Дополним некоторые выводы исследователей.

Павел Петрович принимает Базарова за пустого человека, потому что тот против идеологических установок: «без принципов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди» [Тургенев 1981: 48]. Словесный поединок, конфликт с Базаровым он вообще называет «схваткой с этим лекарем» [Тургенев 1981: 47]. Добавим, что и страсть к Одинцовой переживается главным героем как битва, бой. Базаров принимает принципы за «бесполезные слова» [Тургенев 1981: 48]. Такое отношение позволяет выстроить в тексте романа и метапоэтический ряд борьбы героя со старым словом: ему приходится наполнить пустое место «принципов» новым, осмысленным словом.

А жизненный акт действия героя – вскрытие лягушки – метафоризирует его миссию. Базаров – очень активный человек, который не любит медлить, а хочет всё время действовать: «нечего мешкать» [Тургенев 1981: 75]. Он и наполняет собой пространство, кажущееся пустым. Как и наполняет свой мешок животными (см. созвучие слов «мешкать» и «мешок»): «в нем шевелилось что-то живое» [Тургенев 1981: 26], а акт наполнения (словом и делом) становится главным актом действия героя. Базаров разрезает лягушку, чтобы поглядеть «что у нее там внутри», «чтобы не ошибиться» [Тургенев 1981: 21–22] при лечении человека. Это означает, что живое существо поймано и умерщвлено с целью передачи жизни другому. Таким же образом герой ради

практики вскрывает тифозника (на котором темные, красные пятна), затем думает лечиться с помощью «адского камня» (см. огонь): ляпис нужен ему, чтобы «ранку прижечь» [Тургенев 1981: 174].

Акт действия героя – резать – в отношении чужих тел полностью воплощается и в текстуальной презентации героя: он всех «презирает», «дразнит» [Тургенев 1981: 126], причем «скрежеща [тал] зубами» [Там же: 88]. Его высказывания сначала являются такими же «резкими» и «дерзкими» [Там же: 51]. Выступая будто от имени группы новых врачей-нигилистов, Базаров говорит дерзко, что мы «ни перед кем не преклоняемся» [Там же: 110]. Отметим, что так же ведут себя прыгающие и чирикающие воробьи, которых Аркадий и Катя кормят [Там же: 154]. «Загадочные» глаза понимаются им как романтизм («говорить красиво – неприлично» [Там же: 122]), значит, Базаров находится в поиске другой формы речи. Это демонстрирует слово героя, метафоризируемое как анатомия. Мы наблюдаем процесс, при котором научный термин превращается в новый, поэтический вид обозначения: когда по сюжету герой влюбляется в Одинцову, в тексте романа его слово вместо резкости и скрежета постепенно обретает иные модусы.

Базаров думает, что он «самоломанный» и женщина «не ломает» его [Тургенев 1981: 119], между тем Базаров становится «пораженным» любовью к Одинцовой, так как рану наносит ему героиня, т. е. иносказательно она является острым предметом, и результатом ее акта действия становится то, что «расклеилась машина» героя. Это выражается в его нежелании курить: «сигарка не вкусна» [Там же: 104] (см. огонь). Так подспудно в словах Базарова дается указание на причину его расстройства.

Обратим внимание здесь и на то, что к метафоре кусаться на уровне презентации текста добавляется и развертывание корня слова кус как квази-этимона вкус: комната Одинцовой «убранная довольно роскошно, но без особенного вкуса» [Тургенев 1981: 76]. Между тем Базаров находит «вкус жизни» именно в этой женщине. Он считает, в том, что «она холодна», «самый вкус и есть», как в любви к мороженому [Там же: 71]. Герой в этом сближении образов и схватывает, и реализует характер

женщины, отличающейся от горячего героя. Отчужденность, отстраненность героини от жизни проявляется и в том, что ее лицо всегда «сохраняло одно и то же выражение» [Там же: 73], вместе с тем ее породистость представлена также в звукобуквенном повторе: «Анна – странна», см.: «Анна Сергеевна была довольно странное существо», но ей же «этот лекарь» кажется «странным человеком» [Там же: 83–84].

Внешне холодная фигура Одинцовой плохо переносит прохладу. Это чувство описывается при детализации мыслей героини о Базарове. Она испытывает дискомфорт, когда он посещает ее: окно «легко отворялось» при прикосновении Базарова, «темная мягкая ночь глянула в комнату» и «вливалась раздражительная свежесть ночи» [Тургенев 1981: 91–92]. Так ночь и холод в обратном порядке метафоризируют образ Базарова, который будто вторгается в комнату героини, ожидающей его. Под влиянием слов героя об умении отдаваться Одинцова сначала и попытается отдать себя, и это выражается в ее жесте: «она отделилась от спинки кресла» [Там же: 93], подула на пальцы, направилась быстро к двери, «как бы желая вернуть Базарова...», «коса ее развилась и темной змеей упала к ней на плечо. Лампа еще долго горела в комнате Анны Сергеевны, и долго она оставалась неподвижной, лишь изредка проводя пальцами по своим рукам, которые слегка покусывал ночной холод» [Там же: 94]. Отметим, что все метафорические признаки и детали: коса – змея, горящая лампа, прикосновение, а также укус холода в этом фрагменте представляют изменение героини, так как она задумывается над тем, разрешить ли герою «кусать» ее.

Но в конечном итоге ее постель в переносном смысле становится могилой Базарова. Одинцова, словно холодный ветер, уносит его жизнь. Возможно, больной герой имеет в виду двойное значение слов, когда велит ей задуть лампу, огонь: «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...», а героиня целует его: «Анна Сергеевна приложила губами к его лбу» [Тургенев 1981: 183]. Тургенев так проводит аналогию между Одинцовой и смертью, ибо герой умирает как раз от нехватки любви.

В завершение нашего краткого анализа-обзора добавим, что роман пользуется особой популярностью и среди молодых венгерских исследователей. Разумеется, причиной тому послужила всегда актуальная тема столкновения поколений. На наш взгляд, этот конфликт разрешается в романе, так как при смерти герой возвращается к своим любимым родителям. В этом можно усмотреть и христианский мотив возвращения блудного сына («какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле» [Тургенев 1981: 188]), и мотив вознесения Христа («милый сын» – «что, мой отец?». [Там же: 180]). Это и придает тургеневскому произведению вечный смысл.

Вместе с тем молодые исследователи изучают другие аспекты. Сильвия Лисичко в своей диссертации рассматривает фразеологизмы романа Тургенева [Laviczáné Liszicskó 1987], а Борбала Эры-Тот в своей конкурсной работе по-новому соотносит персонажей, анализируя образы животных [Eöry-Tóth 2013]. Из разбора последней вытекает, что описание домашних животных в романе тесно связано с движением, по признаку которого можно объединить идеологически противостоящие фигуры (Базарова и Павла Петровича) в одну группу. Движение также связано с поиском любви, особенно применительно к Базарову. Интересно наблюдение студентки о том, что зоонимические мотивы охватывают основные темы романа, например мотив кошки относится к смысловому плану назначения человека, в то время как мотив собаки выполняет функцию установления отношений. В этой связи Эры-Тот обращает внимание на то, что поступок Базарова (анатомизация) направлен на раскрытие тайны жизни и смерти. В заключение своего анализа молодая исследовательница утверждает, что образы птиц, рыб и разных насекомых в тексте романа метафорически транслируют новую мысль героя: в данном случае имеется в виду осознание того, что сострадание отличает человека от животных.

Итак, венгерская рецепция романа «Отцы и дети» показывает, что текст не теряет своей актуальности. Востребованными в научном плане остаются вопросы жанровой специфики этого сочинения Тургенева, изучаются по-

этические контексты центральных персонажей, Базарова и Одинцовой. Все чаще делается акцент на мотивах, которые свидетельствуют о возвышении образа Базарова, особенно в свете религиозно-философского финала романа, а также на развертывании метафоры «кусаться» в семантике образа Одинцовой,

свидетельствующей о нежизненности героини. В целом также развертывание главных тем любви и смерти в романе «Отцы и дети» в венгерской науке о творчестве Тургенева предлагается изучать сквозь призму поэтических особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Кормилов, С. И. Социальное положение персонажей в романе Тургенева «Отцы и дети» / С. И. Кормилов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 5. – С. 126–143.
- Кроо, К. Проблема бесплодности в романах «Рудин» и «Отцы и дети» / К. Кроо // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции : доклады международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева: 26–28 августа 1993 г. / ред. Ж. Зельджейи. – Budapest : Nemzeti Tankönyvkiadó, 1994. – С. 114–120.
- Лотман, Ю. М. Проза Тургенева и сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // Slavica. Debrecen. – 1986. – Т. XXIII. – С. 5–21.
- Молнар, А. Пути интерпретации прозы И. С. Тургенева в Венгрии (современные направления) / А. Молнар // Спасский вестник. – 2020. – Вып. 27. – С. 224–236.
- Пумпянский, Л. В. Тургенев-новелист / Л. В. Пумпянский // Классическая традиция. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 427–447.
- Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 7. – М. : Наука, 1981. – С. 5–190.
- Eöry-Tóth, B. Az állatábrázolások elemzése Turgenyev Apák és fiúk című művében / B. Eöry-Tóth // OTDK-dolgozatok. – 2013. – P. 165–174.
- Hetesi, I. Művek, kapcsolódások. Puskin-és Turgenyev-tanulmányok / I. Hetesi. – Pécs : Pro Pannonia, 1999. – P. 45–54.
- Hetesi, I. Turgenyev. A hősök és a „randevű” az írói pálya első felében / I. Hetesi. – Budapest : Tankönyvkiadó, 1990. – 318 p.
- Kroó, K. A nihilizmus gondolköre Turgenyev poétikájában az orosz irodalmi tradíció tükrében / K. Kroó // Filológiai Közönlöny. – 2017. – No. 4. – P. 65–91.
- Kroó, K. Turgenyev regénypoétikájának néhány sajátosságáról / K. Kroó // Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I. – Budapest : HEFOP, 2004. – P. 377–412.
- Laviczáné Liszicskó, S. A frazeologizmusok szemantikai és grammatikai elemzése: I. Sz. Turgenyev „Apák és fiúk” című regénye alapján : disszertáció / S. Laviczáné Liszicskó. – Budapest : ELTE, 1987.
- Lepahin, V. Дважды два или четыре поражения Базарова. По роману Тургенева «Отцы и дети» / V. Lepahin // Diss. Slav.: Lit. Szeged. – 2006. – Vol. XXIV. – P. 125–136.
- Zöldhelyi, Z. Turgenyev világa / Z. Zöldhelyi. – Budapest : Európa Könyvkiadó, 1978. – 339 p.
- REFERENCES
- Eöry-Tóth, B. (2013). Az állatábrázolások elemzése Turgenyev "Apák és fiúk" című művében. In OTDK-works, pp. 165–174.
- Hetesi, I. (1990). Turgenyev. A hősök és a „randevű” az írói pálya első felében. Budapest, Tankönyvkiadó. 318 p.
- Hetesi, I. (1999). Művek, kapcsolódások. Puskin- és Turgenyev-tanulmányok. Pécs, Pro Pannonia, pp. 45–54.
- Kormilov, S. I. (2018). Sotsial'noe polozhenie personazhei v romane Turgenyeva «Ottsy i deti» [The Social Position of the Characters in Turgenyev's Novel „Fathers and Sons”]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. No. 5, pp. 126–143.
- Kroó, K. (1994). Problema besplodnosti v romanakh «Rudin» i «Ottsy i deti» [The Problem of Infertility in Turgenyev's Novels “Rudin” and “Fathers and Sons”]. In Zöldhelyi, Z. (Ed.). I. S. Turgenyev: Zhizn', tvorchestvo, traditsii: doklady mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashhennoi 175-letiyu so dnya rozhdeniya I. S. Turgenyeva: 26–28 avgusta 1993 g. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó, pp. 114–120.
- Kroó, K. (2004). Turgenyev regénypoétikájának néhány sajátosságáról. In Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I. Budapest, HEFOP, pp. 377–412.
- Kroó, K. (2017). A nihilizmus gondolköre Turgenyev poétikájában az orosz irodalmi tradíció tükrében. In Filológiai Közönlöny. Vol. 4, pp. 65–91.
- Laviczáné Liszicskó, S. (1987). A frazeologizmusok szemantikai és grammatikai elemzése: I. Sz. Turgenyev „Apák és fiúk” című regénye alapján. Dissertation. Budapest, ELTE.
- Lepahin, V. (2006). Dvazhdy dva ili chetyre porazheniya Bazarova. Po romanu Turgenyeva «Ottsy i deti» [Bazarov's Two or Four Defeats Twice. Based on Turgenyev's Novel “Fathers and Sons”]. In Diss. Slav.: Lit. Szeged. Vol. XXIV, pp. 125–136.
- Lotman, Yu. M. (1986). Proza Turgenyeva i syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [Turgenyev's Prose and the Plot Space of the Russian Novel of the 19th Century]. In Slavica. Debrecen. Vol. XXIII, pp. 5–21.

Molnár, A. (2020). Puti interpretatsii prozy I. S. Turgeneva v Vengrii (sovremennye napravleniya) [Ways of Interpreting the Prose of I. S. Turgenev in Hungary (Modern Trends)]. In Spasskii vestnik. Issue 27, pp. 224–236.

Pumpjansky, L. V. (2000). Turgenev-novellist [Turgenev-Novelist]. In Klassicheskaya traditsiya. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 427–447.

Turgenev, I. S. (1981). Ottsy i deti [Fathers and Sons]. In Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Vol. 7. Moscow, Nauka, pp. 5–190.

Zöldhelyi, Z. (1978). Turgenyev világa. Budapest, Európa Könyvkiadó. 339 p.

Данные об авторах

Молнар Ангелика – PhD, habil., доцент Института славистики, Дебреценский университет (Дебрецен, Венгрия).

Адрес: 4032, Венгрия, Debrecen, Egyetem tér, 1.

E-mail: mandzsi@gmail.com.

Author's information

Molnar Angelika – PhD, habil., Assistant Professor of Institute of Slavistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary).

Дата поступления: 12.01.2023; дата публикации: 30.03.2023

Date of receipt: 10.02.2023; date of publication: 30.03.2023